

К концептуализации «культуры отмены»: аксиологическая vs функциональная интерпретации культуры в отечественном и зарубежном социокультурном пространстве

О. И. Микитинец¹, О. В. Костенко²

^{1,2}Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Россия

¹olya_mikitinets@mail.ru,

²olesya.kostenko.72@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема полярной интерпретации «культуры отмены» в контексте современных геополитических противостояний. Авторы указывают на смысловые и этимологические предпосылки основных подходов к современному пониманию данного феномена, в первую очередь, на функциональный и аксиологический подходы к культуре в отечественном и западном обществах. Смысловые нарративы «культуры отмены» трансформируются в рамках цивилизационного подхода, обуславливая ее понимание как технологии искажения идентичности и уничтожения базовых культурных кодов.

Ключевые слова: культура отмены, цивилизация, идентичность, гибридная война, ценности

Для цитирования: Микитинец О. И., Костенко О. В. К концептуализации «культуры отмены»: аксиологическая vs функциональная интерпретации культуры в отечественном и зарубежном социокультурном пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 154–161.

Original article

Toward the Conceptualization of “Cancel Culture”: Axiological vs Functional Interpretation of Culture in the Domestic and Foreign Sociocultural Space

Olga I. Mikitinets¹, Olesya V. Kostenko²

^{1,2}Crimean University of Culture, Art and Tourism, Russia, Simferopol

¹olya_mikitinets@mail.ru,

²olesya.kostenko.72@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of polar interpretation of “cancel culture” in the context of modern geopolitical confrontations. The authors point out the semantic and etymological premises of the main approaches to the modern understanding of this phenomenon, primarily the functional and axiological approaches to culture in domestic and Western societies. The semantic narratives of “cancel culture” are transformed within the framework of the civilizational approach, stipulating its understanding as a technology for distorting identity and destroying basic cultural codes.

Keywords: cancel culture, civilization, identity, hybrid warfare, values

For citation: Mikitinets, O. I., Kostenko, O. V. (2024). Towards the conceptualization of “cancel culture”: axiological vs functional interpretation of culture in the domestic and foreign socio-cultural space. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 154–161. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

«Культура отмены» – один из новых и противоречивых феноменов современной культуры, представляющий собой современную разновидность ostracism как действенную технологию манипулирования общественным мнением. Ее становление связано с особенностями современных глобализационных процессов, создавших на сегодняшний день единое и пластичное социокультурное пространство. Сегодня в нарративе западной цивилизации под «культурой отмены» чаще всего понимают инструмент установления социальной справедливости, однако в широком смысле она представляет собой мировоззренческую установку, которая предполагает «как игнорирование, так и искоренение не только культуры ныне живущих людей, но и событий, связанных с их прошлым, а также сопряженных с ними интенций в возможное будущее» [Костенко, 2023, с. 249].

В англоязычных научных кругах и медиапространстве одним из вопросов, обсуждаемым в отношении «культуры отмены», является вопрос «правильного» токования *cancel culture* как «культуры отмены», которое часто подменяется так называемым неправильным переводом – отмена культуры [Фефелов, 2022], причем такое «инокультурное восприятие» характерно не только для русскоязычного пространства, но и для французской семантики. Как отмечает А. Ф. Фефелов, понятие «*cancel culture*» интерпретируется во франкоязычной традиции как «крах или деградация культуры, т. е. по “ошибочному” русскому канону – отмена культуры, ее традиционных ценностей» [Фефелов, 2022, с. 131]. И в этом контексте речь идет о свержении, деконструкции, уничтожении. Именно в таком контексте данное понятие употребляется в отношении русской культуры.

Одной из причин переноса технологии «культуры отмены» в цивилизационную плоскость выступают глобализационные процессы, а также цифровизация, расширение mass-media и «информационный взрыв», перенесшие львиную долю социальных взаимодействий в интернет-пространство.

В настоящее время существует как минимум три вектора операционализации данного понятия. Во-первых, «культура отмены» понимается как внеинституциональная технология управления и контроля цифрового пространства (Л. Ю. Шураева, Г. Сардарян). Л. Ю. Шураева отмечает: «Сущность “культуры отмены” состоит в элиминации нежелательного поведения через общественное осуждение и отвержение <...> это один из трансформированных регулятивных инструментов материальной среды» [Шураева, 2022, с. 250].

Во-вторых, она является эффективным механизмом манипуляции общественным мнением [Симхович, 2022], в основе которого находятся глубинные ценностные установки, которые, в частности, называют «новой этикой» [Малыгина, 2023]. Они входят в прямое противоречие с устоявшимися культурными кодами и искажают, а иногда и разрушают привычное межкультурное взаимодействие [Mujtaba, Cavico, 2020].

В третьих, «культура отмены» сегодня всё чаще понимается как политическая технология гибридной войны с негодными культурными ценностями [Костина, 2022; Комлева, 2015]. С 2022 года с усилением геополитического противостояния она интерпретируется в отечественном коммуникативном поле как удаление культуры, в связи с чем осмысление данного феномена приобретает аксиологический, цивилизационный характер.

Тем не менее единой основой использования данной технологии является публичность сфер ее применения: информационной, культурной, социальной, политической. В этой связи нам представляется необходимым применение междисциплинарного подхода при анализе данного понятия и оценке его семантического пространства.

Исследование данного феномена усложняется и тем, что появившееся в западной англоязычной традиции явление «культуры отмены» (*cancel culture*) противоречиво как в своей сути, так и по проявлениям (часто неполиткорректным) в социокультурном пространстве. Следствием этого является публичное отрицание самого существования такой технологии, как «культура отмены». Так, репортер издания «Insider» по цифровой культуре Рэйчел Э. Гринспен отмечает, что «культура отмены» – это «понятие, которого на самом деле не существует»¹ [Haltiwanger, 2021].

Несмотря на различные аспекты рассмотрения «культуры отмены» и освещения её кейсов в средствах массовой информации, она до сих пор не определена как концепт, особенно в контексте цивилизационных противостояний, что и обусловило выбор объекта исследования данной статьи.

В этой связи необходимо выявить предпосылки и особенности трансформации «культуры отмены» как социальной технологии в отмену культуры как инструмент гибридных цивилизационных войн.

¹Здесь и далее перевод наш. – О. М., О. К.

ПОЛЯРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ

Противоречие, лежащее в основе самого понятия «культуры отмены», заключается, прежде всего, в использовании различных подходов к интерпретации в нем самого понятия культуры. Как отмечает А. Ф. Фефелов, в составе словосочетания «культура отмены» превалирует «явно политический, а не ожидаемый морально-этический подтекст» [Фефелов, 2022, с. 127]. Так, о «культуре отмены» на Западе говорят в отношении нелиберальных, нетолерантных, правых и праворадикальных проявлений [Haltiwanger, 2021]. Многообразие и противоречивость смыслового наполнения «культуры отмены» мы видим, прежде всего, в разном *понимании сущности культуры*. В данной связи необходимо обратиться к особенностям интерпретации феномена культуры в отечественном и западном научном пространстве, и, прежде всего, к *этимологии данного понятия* и особенностям его употребления в русскоязычном и англоязычном дискурсах.

Культура сегодня представляет собой динамическую неоднородную систему, давно вышедшую за рамки эстетико-досугового восприятия. В современном научном дискурсе понятие культуры достаточно полисеманлично и его понимание зависит как от методологической традиции, так и от контекста изучения. По оценкам лингвистов существует определенная асимметрия понятий культура и culture [Фефелов, 2022, с. 138]. В русском языке слово культура имеет ярко выраженный аксиологический контекст. Так, согласно идеографическому словарю русского языка, «культура – это общечеловеческие ценности»¹, духовность и совершенство, она не несет в себе прямого противопоставления другим народам, государствам и ценностям. В толковом словаре культура определяется как «совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей»². Если обратиться к современной научной трактовке культуры в отечественной философии и теории культуры, то культура понимается как целостность и «система ... надбиологических программ ... деятельности, поведения и общения людей»³. Определяемая как эстетическое, символическое, аксиологическое и социально-этическое явление, культура описывается В. С. Степиным в терминах «человек», «общество», «сознание»,

«добро», «зло», «красота», «вера», «надежда», «долг», «совесть», «справедливость», «свобода»⁴. Она интерпретируется как общее свойство человеческого рода, имеющее свои уровни (например, высокая культура), свои типы (русская, немецкая, японская культуры), различающиеся ценностями и нравственными принципами, но *не выстраиваемые в иерархию* (высшая / низшая культура). Если попытаться установить смысловые границы отечественного понимания феномена культуры, то они предельно широкие. Культура, как отмечает А. Я. Флиер, максимально полифункциональная и является не «второй природой», а первой, «естественной природой человека» на социальном уровне. Она представляет собой поведенческую программу, которая обеспечивает «коллективный характер» образа жизни людей, является инструментом социальной интеграции (нормы и ценности), различения (идентичность, добро / зло), интерпретации (идеология, смысл истории) [Флиер, 2019]. По сути, антонимом к русскоязычному слову культура выступает слово бескультурье, которое как характеристику возможно применить и к человеку, и к обществу.

Слово *culture* имеет несколько иной характер, что связано с преемственностью английского и латыни, и отсылает нас во времена Античности с противопоставлением культуры / цивилизации и варварства: *civilis – barbaricus* [barbarus]⁵. В основе антонима *culture* лежит не противопоставление культуре вообще (бескультурье), а противопоставление чужой культуре: «1) *у греков* – негреческий, римский, латинский; 2) *у римлян* – негреческий, неримский, не-итальянский, иноземный, чужой; 3) варварский, дикий»⁶. О. В. Большакова отмечает: «Известно, что Ренессансу было присуще унаследованное от римлян разделение стран на цивилизованный Юг и варварский Север (включая Францию и Германию), и еще довольно долго Россию относили к странам Северной Европы вместе с Польшей, Швецией и Данией» [Большакова, 2016, с. 355]. Эти бинарные оппозиции противопоставления «мы» – «чужие» в культурном и цивилизационном плане позже нашли свое отражение в условной дихотомии «Запад» – «Восток». Такая идея противопоставления культурного – некультурного до сих пор является актуальной для европейского мировосприятия, несмотря на попытки обосновать плюрализм культур и внедрить политику мультикультурализма: «Культура хорошо послужила цели дистанцирования – политически, эпистемологически, морально, технологически, ментально – во

¹Идеографический словарь русского языка / сост. О. С. Баранов. 1995.

²Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2003. С. 313.

³Степин В. С. Культура // Новейший философский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 527.

⁴Степин В. С. Культура // Новейший философский словарь. М., 2001. С. 528.

⁵White L. A Culture // Encyclopedia Britannica. 2009.

⁶Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 5-е изд. М.: Русский язык, 1998. С. 99.

времени и пространстве от всех остальных народов мира» [Rapport, Overing, 2002, с. 100]. Обратившись к статье Л. Уайта в энциклопедии Britannica, можно обнаружить, что за общим определением культуры как поведения, которое свойственно Homo sapiens, «вместе с материальными объектами, используемыми как неотъемлемая часть этого поведения»¹, акцентируется внимание на таких ее свойствах и особенностях понимания как: особенности ментальности человека, способности к символизации и символическому поведению, обособления общества, культурных различий и релятивизма, экономических, политических, образовательных, религиозных и иных социальных систем и т. п. Культура здесь выступает средством для достижения цели: безопасности и непрерывности жизни, а развитие культуры связывается Л. Уайтом с эволюцией мышления. Культура как внешняя по отношению к человеку среда выполняет ключевую функцию – «сделать жизнь безопасной и продолжительной для общества людей, живущих внутри культурной системы. Таким образом, культуру можно рассматривать как новейшее, наиболее развитое средство обеспечения безопасности и непрерывности жизни»². К тому же в западной культурно-антропологической традиции чаще всего речь идет о культуре как образе жизни, и программе поведения разных народов и обществ. В этом контексте вольно или невольно происходит сопоставление и сравнение на грани соперничества разных культур: «...один тип социокультурной системы содержит лучшие средства обеспечения продовольствием или борьбы с болезнями, чем другой»³. Из такого сравнения и сопоставления неизбежно вырастает этноцентризм, свойственный гражданам более развитых в цивилизационном (научно-техническом и экономическом) плане государств / народов / стран: «Граждане большой нации, особенно в прошлом, с меньшей вероятностью наблюдали за людьми другой нации или культуры, чем члены небольших племен, которые хорошо знакомы с обычаями своих соседей, отличающихся культурным разнообразием. Так, американский турист может сообщить, что лондонцы ездят “не по той стороне улицы”, а англичанин может посчитать некоторые обычаи на континенте “странными” или “хамскими” просто потому, что они другие»⁴. В целом англоязычной традиции в большей степени свойственно функциональное понимание культуры как способа жизни общества и технологии его управления, в то время как русскоязычная традиция в большей степени аксиологична и даже с точки зрения социологической традиции представляет собой

систему ценностей, интегрированных в общество (П. Сорокин, Г. Риккерт, К. Виндельбанд). Как отмечает А. Ф. Фефелов: «наша оппозиция антропоцентрична, она прочнее связана с индивидом и его уровнем владения высокой культурой в рамках своей национальной общественной культурной системы, с понятием “стать человеком”, достойным членом общества» [Фефелов, 2022, с. 140].

В этом ключе социально-политический подход, сегодня достаточно распространенный и в российской научной традиции при объяснении функций культуры как социального механизма, сохраняет, тем не менее, *аксиологическую интерпретацию*. Например, такое определение культуры мы находим у А. В. Костиной, отмечающей, что понимание как нормативного регулятора «расширяет пространство ее значений от сферы прекрасного (это понятие с ней соотносится, как правило, в первую очередь) до сферы социальной регуляции, формирующей... совокупность норм и значений» [Костина, 2022, с. 2]. В таком контексте культура напрямую влияет на человеческое поведение, его мотивы и мотивацию, легитимность и одобряемость социумом его поведения и поступков. Именно в нормативной плоскости происходит принятие либо неприятие другой культуры в зависимости от близости разделяемых норм и ценностей. Неприятие содержания чужой культуры (культуры другого народа) «фактически означает отрицание правильного взгляда на мир у представителей данного народа, неверное толкование ими базовых понятий, несогласие по поводу которых дает право воспринимать их в качестве чужих и чуждых, а следовательно, врагов» [Костина, 2022, с. 2]. Но даже в этом контексте социально-политическое понимание культуры не предполагает у нас отмену, уничтожение чужой культуры – только формирование собственной идентичности и защиту своей культуры.

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК ИНСТРУМЕНТ ГИБРИДНЫХ ВОЙН ПОСТГЛОБАЛЬНОГО МИРА: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

В данной связи необходимо затронуть еще один важный аспект генезиса технологии «культуры отмены» – стремление к уничтожению иной культуры. Западноевропейская модель понимания культуры, как было отмечено выше, достаточно близка к античной интерпретации цивилизации: Запад – Восток, цивилизованный – варварский. И такое жесткое противопоставление «свой» – «чужой» позволяет говорить о взаимодействии западной культуры с другими как с заведомо чужеродными, подлежащими уничтожению традициями, несущими угрозу

¹ White L. A Culture // Encyclopedia Britannica. 2009.

² White L. A Culture // Encyclopedia Britannica. 2009.

³ White L. A Culture // Encyclopedia Britannica. 2009.

⁴ White L. A Culture // Encyclopedia Britannica. 2009.

своей культуре, т. е. как с контркультурами. Например, Ф. Фукуяма, определяя культуру «как арациональную этическую привычку, передаваемую по традиции» [Фукуяма, 1995, с. 8], отмечает, что она представляет собой четвертый, самый глубокий социальный уровень, включающий семью, религию, мораль, этническое самосознание, ценности и историческую память. Именно над культурой надстраивается гражданское общество, социальные институты и идеология, и именно она подвергается воздействию при необходимости трансформации социального и политического уровней. Борьба с традиционными, национальными и религиозными ценностями («культуральными препятствиями»), являющаяся необходимым условием распространения либеральных ценностей, сегодня выступает одним из механизмов ведения войн с культурой как частью гибридной войны против государств. Как отмечает Ф. Фукуяма, культурные различия даже среди равных демократических государств сложноискоренимы, и их устойчивость «может означать, что международная жизнь будет все больше рассматриваться как конкуренция не между соперничающими идеологиями... – но между различающимися культурами» [Фукуяма, 2015, с. 184]. Разрушению и уничтожению подвергаются традиционные культуры, препятствующие процессу демократизации и унификации мирового пространства [Фукуяма, 2015, с. 185]. В качестве примера можно привести цветные революции, прокатившиеся по странам постсоветского пространства, Азии и Африки с 2000 года. Все эти события сопровождались, прежде всего, войной с традиционными культурными ценностями, а также искажением или уничтожением национальной идентичности. Именно идентичность напрямую связана с бинарным противостоянием «свой – чужой», строящемся на обособлении своей (не обязательно национальной) культуры. Сегодня противостояние варварство – цивилизация трансформировалось в новую форму: традиционные ценности – либерализм.

Как отмечает Ф. Фукуяма, воздействие на культурные нормы практически невозможно в пределах «институционалистских решений» [Фукуяма, 1995], что в условиях геополитических противостояний порождает новые, внеинституциональные формы войны с культурой, которой и является «культура отмены». Связанная с искажением и размытием базовых стратегий идентичности, она выступает как одна из ключевых технологий медиапространства.

И. В. Малыгина подчеркивает, что к началу XXI века происходит смена пространства формирования идентичности: «эта тенденция ознаменовалась вытеснением традиционных базовых идентичностей ... на периферию индивидуального и

общественного сознания; сублимацией идентификационных стратегий индивида в альтернативное пространство цифровой и медийной реальности» [Малыгина, 2023, с. 2]. В медиапространстве идентичность стала связываться с такими характеристиками, как «новая искренность» (например хештегами #MeToo), являющимися по сути симулякрами чувства сопричастности, а потому приводящими к деструктивным последствиям [Малыгина, 2023, с. 7]. В контексте геополитических процессов именно культура и традиционные ценности подменяются их симулякрами, обесцениваются либо предаются забвению, вызывая чувство ложной сопричастности. По сути, «культура отмены» здесь является современной версией контркультуры по отношению как к традиционной европейской (условно – христианской с абсурдными требованиями наподобие запрета преподавания У. Шекспира в курсе классической литературы в английских вузах и т. п.), так и к отечественной традиционной культуре (в том числе и советского периода). Это хорошо заметно в установке на показательное исключение культурного наследия определенного народа (тотальный запрет русской культуры на Западе), общего исторического «советского» наследия (демонстративное уничтожение памятников Великой Отечественной войны в Прибалтике и Восточной Европе) и т. п. По сути, «культура отмены» как технология гибридной войны способствует искоренению «способности к свободной идентификации... После уничтожения такой способности человеку может быть навязана или наведена любая идентификация, которая по каким-то причинам необходима извне» [Комлева, 2015, с. 16].

В этом ключе актуальным является как раз буквальный перевод *cancel culture* как *удаление культуры*, который показывает трансформацию ее смысловой составляющей. Его иллюстрацию мы видим в высказывании Президента РФ В. В. Путина, который отметил: «Пресловутая “культура отмены” превратилась в “отмену культуры”». Из концертных афиш вымарывают Чайковского, Шостаковича, Рахманинова. Также запрещаются и русские писатели и их книги. В последний раз такую массовую кампанию по уничтожению неугодной литературы почти 90 лет назад проводили нацисты в Германии. Мы хорошо знаем и помним из кадров кинохроники, как сжигаются книги прямо на площадях» [Бабалова, 2022]. В этой связи сегодня на передний план выходит именно ценностное содержание культуры, позволяя увидеть в ней главный фактор национальной безопасности, механизм отстаивания «метафизических ценностей, своего образа мира и образа будущего» [Костина, 2022, с. 3], т. е. основу собственной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в процессе концептуализации феномена «культуры отмены» даже не в отечественном, а русскоязычном сегменте мы сталкиваемся с некоторыми нюансами, которые касаются как перевода этого понятия на русский язык (условно «правильного» и условно «неправильного»), так и с определенными дискурсами, смысловыми нарративами.

Так, «культура отмены» сегодня представляет собой как отмену определенного публичного человека (и это связано с его поведением повседневым, его соответствием и несоответствием современной культурной повестке), так и технологию целенаправленного уничтожения целых культур. Последнее связано с социально-политическими, историческими, культурными особенностями, когда речь идет о «замалчивании», «удалении» культуры как сублимации уничтожения носителей этой культуры. Есть еще более отдаленные термины, но, тем не менее, они в своем происхождении, своей истории тесно связаны с «культурой отмены», как, например, движение BLM и то, что на Западе принято называть «новой этикой». Поэтому при достаточно широком распространении данного термина, особенно в последние годы в российских СМИ по отношению ко всему русскому, к русской культуре, все-таки концептуализация этого понятия

в науке еще не завершилась. У данного феномена пока нет единого смыслового поля, позволяющего использовать его, если не однозначно, то, по крайней мере, с целостным понятным нарративом. Понимание различий в интерпретации культуры подводит нас к цивилизационным основаниям трактовки «культуры отмены», что указывает на ее контркультурную природу и позволяет в дальнейшем выявить составляющие данной технологии. Именно отсутствие эстетико-аксиологической составляющей лежит в основе трансформации «культуры отмены» как технологии социальной (манипулирования общественным мнением) в технологию политическую (ведения гибридной войны путем слома устоявшихся культурных кодов). И в этом ключе она представляет собой рецидив контркультуры, предполагающий борьбу со всеми иными культурами вплоть до их уничтожения как чужеродных элементов.

Таким образом, прослеживая эволюцию «культуры отмены» от новой этики к войне с другой культурой и с инакомыслием, мы приходим к концептуализации «культуры отмены» в рамках цивилизационного подхода. Именно в этом ключе она распространяется сегодня в социально-политическом и культурном международном пространстве и неразрывно связана с искажением формирования идентичности и с угрозой национальной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Костенко О. В. Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5. С. 248–252.
2. Фёфелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 126–144.
3. Шураева Л. Ю., Коринец А. Г. Социальный эффект «культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z // Вестник университета. 2022. № 12. С. 248–256.
4. Симхович В. А. Культура отмены как инструмент манипулирования общественным мнением // Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль). Минск, 2022. С. 212–219.
5. Малыгина И. В. Identity capital и стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры // Площадь Лихачева. 2023. С. 1–8.
6. Mujtaba B. G., Cavico F. J. Ethical Analysis of Office Romance and Sexual Favoritism Policies in the #MeToo Workplace and «Cancel Culture» Era. SocioEconomic Challenges. 2020. Vol. 4 (4). P. 132–150.
7. Костина А. В. Ценности и смыслы культуры как фактор национальной безопасности // Площадь Лихачева. 2022. С. 1–8.
8. Комлева Н. А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противостояния // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 15–23.
9. Haltiwanger J. Putin rails against cancel culture and suggests teaching gender fluidity to kids is a 'crime against humanity' // Business Insider. Oct 22, 2021. URL: <https://www.businessinsider.com/putin-slams-cancel-culture-and-supporters-of-transgender-rights-2021-10>.
10. Флиер А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры // Культура культуры. 2019. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/>.

11. Большакова О. В. Концепт «Запад» и историографические образы России // Труды по русистике. 2016. С. 353–385.
12. Rapport N., Overing J. Social and Cultural Anthropology: The Key Concepts. London, New York: Routledge, 2002.
13. Фукуяма Ф. Главенство культуры // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6 (1). P. 7–14.
14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2015.
15. Бабалова М. Владимир Путин: Пресловутая «культура отмены» превратилась в «отмену культуры» // Российская газета. 28.03.2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-v-otmenu-kultury.html>.

REFERENCES

1. Kostenko, O. V. (2023). Istoriko-filosofskiye predposylki stanovleniya ponyatiya «kul'tura otmeny» = Historical and philosophical prerequisites for the formation of the concept of “cancel culture”. Society: philosophy, history, culture, 5, 248–252. (In Russ.)
2. Fefelov, A. F. (2022). Diskurs vokrug cancel culture kak ob'yekt lingvokul'turnogo i perevodcheskogo analiza: logika protiv «logiki» = Discourse around cancel culture as an object of linguocultural and translation analysis: logic versus “logic”. Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and intercultural communication, 20(1), 126–144. (In Russ.)
3. Shuraeva, L. Yu., Korinets, A. G. (2022). Sotsial'nyy effekt «kul'tury otmeny» v tsifrovom prostranstve na primere pokoleniy Y i Z = Social effect of “cancel culture” in the digital space using the example of generations Y and Z. University Bulletin, 12, 248–256. (In Russ.)
4. Simkhovich, V. A. (2022). Kul'tura otmeny kak instrument manipulirovaniya obshchestvennym mneniyem = Cancel culture as a tool for manipulating public opinion. Modern society: sociology of life (interdisciplinary profile) (pp. 212–219). Minsk. (In Russ.)
5. Malygina, I. V. (2023). Identity capital i strategii samoopredeleniya cheloveka v tsifrovom prostranstve sovremennoy kul'tury = Identity capital and strategies for human self-determination in the digital space of modern culture. Likhachev Square (pp. 1–8). (In Russ.)
6. Mujtaba, B. G., Cavico, F. J. (2020). Ethical Analysis of Office Romance and Sexual Favoritism Policies in the #MeToo Workplace and «Cancel Culture» Era. SocioEconomic Challenges, 4(4), 132–150.
7. Kostina, A. V. (2022). Tsennosti i smysly kul'tury kak faktor natsional'noy bezopasnosti = Values and meanings of culture as a factor of national security. Likhachev Square (pp. 1–8). <https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihicht/2022/dokladi/Kostina.pdf>. (In Russ.)
8. Komleva, N. A. (2015). Konstsiyental'naya vojna: global'nyye trendy global'nogo protivostoyaniya = Conscientious war: global trends of global confrontation. Space and Time, 3(21), 15–23. (In Russ.)
9. Haltiwanger, J. (2021, Oct 22). Putin rails against cancel culture and suggests teaching gender fluidity to kids is a ‘crime against humanity’. Business Insider. <https://www.businessinsider.com/putin-slams-cancel-culture-and-supporters-of-transgender-rights-2021-10>.
10. Flier, A. Ya. (2019). Filosofskiye prolegomeny k Normativnoy teorii kul'tury = Philosophical prolegomena to the Normative Theory of Culture. Culture of Culture, 1. <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (In Russ.)
11. Bolshakova, O. V. (2016). Kontsept «Zapad» i istoriograficheskiye obrazy Rossii = The concept of “West” and historiographic images of Russia. Works on Russian studies (pp. 353–385). (In Russ.)
12. Rapport, N., Overing, J. (2002). Social and Cultural Anthropology: The Key Concepts. London, New York: Routledge.
13. Fukuyama, F. (1995). Glavenstvo kul'tury = The primacy of culture. Journal of Democracy, 6(1), 7–14. (In Russ.)
14. Fukuyama, F. (2015). Konets istorii i posledniy chelovek = The End of History and the Last Man. Translated from the English by M. B. Levina. Moscow: AST. (In Russ.)
15. Babalova, M. (2022, March 28). Preslovutaya “kul'tura otmeny” prevratilas' v “otmenu kul'tury” = Vladimir Putin: The notorious “cancel culture” has turned into “cancel culture”. In Rossiyskaya Gazeta. <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-v-otmenu-kultury.html>. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Микитинец Ольга Ивановна

кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры философии, культурологии и межкузыковых коммуникаций
Крымского университета культуры, искусств и туризма

Костенко Олеся Владимировна

аспирант кафедры философии, культурологии и межкузыковых коммуникаций
Крымского университета культуры, искусств и туризма

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikitinets Olga Ivanovna

PhD, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Interlingual Communications
Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Kostenko Olesya Vladimirovna

Postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Interlingual Communications
Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	15.09.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	30.09.2024	
	18.10.2024	